

Журнальное обозрение

с. 2

1.../
Декабрьская книжка «Русской Мысли» отличается обилием беллетристики и, между прочим, в ней находится небольшой рассказ Ант. Чехова («Случай из практики»), который не может не обратить на себя внимания уже потому, что он — Чехова. Можно почти быть уверенным, что каждый читатель, взяв в руки «Русскую Мысль», поспешит проглотить произведение этого, можно сказать, наиболее популярного у нас беллетриста, минуя Потапенку, Лыtkову и других. В этом отношении наша публика отличается необычайным идолопоклонством и, раз поставив перед собой кумира, или авторитет, иначе не умеет к нему относиться, как к равному восторгом и обожаньем. Недаром Поток-богатырь, в известной поэмѣ А. Толстого, говорит, что

...лежать то предъ нимъ, то предъ
этимъ на брѣхѣ,
на вчерашнемъ основано дѣло...

В настоящее время эту почтительную позу принимают наши читатели, издатели и критики, между прочим, и перед А. Чеховым, в честь которых других. Всякое слово, брошенное ним подобным кумиром, принимается на вѣсь золота, как пророчанье, повторяется, комментируется, перечитывается — и все с зачехляваньем. Если бы такое отношение не влияло на таланты, то, оно, пожалуй, не заслуживало бы и внимания, но увы! Уже сколько раз твердили миру, что лезть не только приятно, но еще и вредно, особенно тѣм, что развращает лицо, перед которыми возносятся ея омымы.

В талант г. А. Чехова сдвигли кто-либо сомневается, а заслуга его перед отечественной литературой никто бы не стал умалять, но не престанные восторги по поводу каждой строчки вышедшей изъ под его пера, дѣлают свое дѣло. Переоценка произведений какого-либо автора, неизбежно ведет за собой все менее внимательное и осторожное отношение его к своим трудам: стоит ли над ним, в самом дѣлѣ, работать, если каждый эскиз встрѣчается с одинаковым, благоговѣющим отношением? Очень печально, что талант г. Чехова, повидимому, не избѣгнул этого вреднаго влияния безмысленно-рабскаго поклонения, — по крайней мѣрѣ, рассказ «Случай изъ практики» доказывает это. Мысль, вложенная авторомъ въ этотъ небольшой рассказ, конечно, может подкупить читателя, потому что она

и современна, и сама по себѣ затрогивает основные вопросы жизни.

Молодой врачъ, вывезенный къ больной, обладательницѣ большого состояния и огромной фабрики, находитъ, что она больна не малокровьемъ, не неврастеніемъ или какой нибудь другой, не менѣе модной и распространенной формой, а страдает отъ «ничего недѣланья», отъ нелѣпой жизни человека, который самъ никакъ не интересуется не имѣет и ежедневно лишь наблюдаетъ, какъ тысячи людей, въ пяти фабричныхъ корпусахъ, непрерывно работают на него.

Тутъ недоразумѣніе, конечно, — думалъ онъ (докторъ), глядя на багровыя окна (фабрики). — Тысячи полторы — двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабаки отрезвляются отъ этого коншмара; сотня людей надзираетъ за работой, и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, несправедливости, и только двое — трое, такъ называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ. Но какія выгоды, какъ пользуются ими. Ляликова и ея дочь (пациентка, страдающая малокровьемъ и обладающая милліонами) несчастны, на нихъ жалко смотрѣть; живя въ свое удовольствіе только одна Христина Дмитріевна (гувернантка), пожилая, глуповатая дѣвица въ рпсе-пез. И выходятъ такъ, значить, что работаютъ всѣ эти пять корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситецъ для того только, чтобы Христина Дмитріевна могла кушать стерлядь и пить мадеру...

Хорошо чувствуетъ здѣсь себя только одна гувернантка, и фабрика работаетъ для ея удовольствія. Но это такъ кажется, она здѣсь только подставное лицо. Главный же, для кого здѣсь все дѣлается — это дьяволъ...

Дьяволъ для доктора и его больной олицетворяется въ видѣ этой фабрики, съ ея багровыми окнами и страшными звуками: «дер... дер... дер...», «дрин... дрын... дрын...» и «жак... жак... жак...». Это — сторожа ночью выбиваютъ часы въ трехъ разныхъ пунктахъ фабричной усадьбы.

Вы, — говоритъ докторъ своей больной, — въ положеніи владѣлицы фабрики и богатои наслѣдницы недовольны, не врите въ свое право и теперь вотъ не спите; это, конечно, лучше, чѣмъ если бы вы

были довольны, крѣпко спали и думали, что все обстоит благополучно. У васъ почтенная безсонница; какъ бы ни было — она хорошая признакъ...

Одобривъ такимъ образомъ болѣзнь своей пациентки, докторъ весьма прозрачно намекаетъ ей, что ей надо все бросить и уйдти, и что мало-ли куда можно уйдти хорошему, умному человеку, и убѣждаетъ Доктора, вѣроятно, поѣхалъ въ свою клинику и уже по дорогѣ тотчасъ же забылъ и о рабочихъ, и о дьяволѣ, а пациентка осталась, «блѣдная, томная, но успокоенная» — вѣроятно, забывъ все... кромѣ доктора. Случай изъ практики окончился пока довольно благополучно для обѣихъ сторонъ.

Мысль, положенная въ основу разсказа, совершенно ясна по приведеннымъ здѣсь выдержкамъ, и можно сказать, что она заслуживала бы и большого вниманія, и большей обработки. Но уже по самой небрежности, съ которой она набросана, можно думать, что она является не болѣе какъ наслоениемъ и на душѣ автора, на которомъ долженъ же былъ отразиться «вѣкъ и современный человекъ», иначе онъ не былъ бы моднымъ писателемъ. Конечно, этого мы ему не поставимъ въ упрекъ: что же дѣлать, если та или другая идея чувствуется авторомъ не глубоко, не заставляетъ звучать его струны такъ, какъ она того заслуживаетъ, по нашему мнѣнію. Но небрежность въ писаніи это уже дѣло другое. Небрежное отношеніе къ серьезному явленію повело за собой небрежное выполненіе и въ техническомъ отношеніи, ибо опять-таки — стоитъ ли надъ всякой вещицей работать? Все равно, вѣдь, издатели выхватятъ ее изъ рукъ, а читатели прочтутъ и захлебнутся отъ восторга: — Ахъ, Чеховъ! «Случай изъ практики»! ...Comme c'est touchant!..

Какъ же не «touchant»? На десяти страничкахъ столько глубокихъ мыслей и такая чудная майская ночь. Подумайте сами: брежжигъ разсвѣтъ, и въ сыромъ воздухѣ ясно обозначаются всѣ пять корпусовъ съ ихъ трубами, бараки и складки. И при этомъ: «дер... дер... дер...» — быть одиннадцать часовъ вечера. Это хоты бы и въ Архангельскѣ, такъ и то не увидишь, а Чеховъ намъ показываетъ под Москвой такіа чудеса. Уже одно это чего-нибудь да стоитъ.

Потомъ въ «комнатахъ стало уже совсѣмъ свѣтло, и въ залѣ, на стѣнѣ и на полу, дрожалъ слабый солнечный свѣтъ, проникшій сюда сквозь

с. 2

угрюмый туман... Не правда-ли, *deilseu!* А там, немого еще погоды, бьет: „дер... дер...“ — два часа ночи. Конечно, если рассвет начался в одиннадцатом часу вечера, то к двум часам ночи солнце должно светить во все лопатки. Но солнце в этот раз двигалось хоть и спозаранку, но все-же с большой медленностью, так что Чехов успевает еще уложить доктора спать, а этот успевает выпастись и все-же выйхал ранним утром, когда звонили в церковь.

Так мало страниц в рассказе и так много небрежности. Чем это объяснить? Я думаю, что ничем иным, как тем, что много уже подобных недочетов сходило автору с рук, благодаря его таланту, благодаря его умению отвлечь внимание читателей от подробностей основными замыслами, основной идеей. Но кому много дано, с того много и спросится, и потому давно уже следовало-бы, чем расшаркиваться перед талантом, обратить его внимание на то, что старики не даром толковали об „честном обращении со словом“ и тому подобных пустяках творчества.

Объ этих „пустяках“ писатели новейшей формации считают ненужным позаботиться, желая увлечь своих читателей, да и увлечла многих из них, яркими образами, блестящими парадоксами, обрывком модной идеи, лишь-бы заставить их говорить о себе. Но так как, в сущности, это не пустяки, а необходимое условие для того, чтобы литературное произведение оставило по себе глубокий след в настоящем и пережило своего автора, то о современной беллетристике, спустя не много лет, все забудут и образы останутся еще на много поколений творения „стариков“, которых мы теперь уже не хотим признавать за образец литературного творчества. Наши внуки будут читать и перечитывать Пушкина, Диккенса, Толстого, Шекспира, но уже дети наши забудут о гг. Чеховых и них подобных. История литературы не простит того, что современная публика в своем рабстве не в состоянии замечать.

Конечно, „Случай из практики“ небольшой набросок, которому нечего и претендовать на место в истории литературы, но, например, „Палата № 6“, чуть-ли не имя сдала ей автору, и в основу ее тоже лежит вольность не хуже той, какую он позволял себе с восходом солнца в „Случае из прак-

тики“. Дело это старое и, кажется, в свое время оставшееся незамеченным. За своей склонностью блеснуть тонким психологическим анализом болезненно-нервного настроения современной интеллигенции, Чехов допустил, а его читатели не заметили этого невозможного анахронизма, который представляет собой *сумасшедший дом* в земской России, да еще и *в уездном городе*; никто не обратил внимания и на то, как попал герой его рассказа, или что никакая городская управа не производит освидетельствования умственных способностей, хотя-бы и при участии воинского начальника и штатного смотрителя уездного училища, как это происходит в „палате № 6“. Читатели этого частью не заметили, частью даже, может быть, и не знают, что так в действительности никогда не бывает, но г. Чехов должен был это замечать, и не мог не знать, как бывает и как не бывает. Къ чему же и вся тонкость психического анализа данного настроения, если самое настроение вытекает из совершенно невозможного положения? Не все-ли это равно, что описывать болезненное состояние, которое произойдет у человека, если он проглотит нечаянно соборную колокольню?

У нас принято не замечать промахов, если они совершаются талантами, но это отнюдь не содействует их прогрессивному развитию, напротив, даже тормозит его, действует разлагающим образом и на читающую публику, и на литературу, и на самих писателей.

Чем, кроме подобного рабского отношения, можно объяснить себя, например, то обстоятельство что „Русская Мысль“, этот почтеннейший из наших толстых журналов, два года тянула нескончаемую кашу Г. Сенкевича — „Крестовоспел“ и, пожалуй, будет ее тянуть еще два года, а год — навстречу? И посмотрите, на что разбегался этот крупный талант, вида, как публика с восторгом встречает даже такие дубочные произведения его, как „Потоп“ и „Огнем и Мечем“. Мы не узнаем того романиста-психолога, который нарисовал перед нами мастерской кистью художника тип современного Гамлета с его тонко развитой, эстетической натурой, вечно увлекающейся, вечно рефлектирующей и вечно неудовлетворенной. Перед нами намалеваны

грубые мазки опять те же фигуры, каких мы уже достаточно рассмотрели у г-на Сенкевича в его исторической трилогии из эпохи войны Польши с казаками. Разрубленные то вдоль, то поперек рыцари, отсеченные головы, жестокие пытки — все это мажется так грубо-неглибоко, что несколько уже и не трогают читателя: слишком чувствуется, что все это „не в за-правду“, как говорят дети, и что все эти искорканные герои вот-вот выйдут из-под пера, сдвоятся цынами и неведомыми и начнут других увивать.

Видит автор, что туранира, охотой на диких жидов, смертными казнями читателя не проберешь, и вот он ведет его (ср. „Русская Мысль“, ноябрь) в тень и на его глазах заливает плечом Юранд глаза (единственный, ибо он кривой) кипящей смолой... Мало зах этого? Палач становится Юранд на грудь и при вас вырывает у него язык... Еще мало? Извольте: автор, то бишь, не автор, а палач отрезывает Юранд руку... и отращивает еще сдвять что-то с его плечом же дочерью. Остальные члены, в том числе и голова, Юранд пока еще оставлены и урваные их отложено до 1899 года. Нельзя же все сразу! Хотя он и герой романа Сенкевича, но все же без головы, чего доброго, не выживет.

Не менее досадно, нежели эти аляповатая трагедия у столь большого таланта, это увлечение ультра-патриотическими чувствами, которыми уже отичены его предыдущие исторические романы. Каждый меченосец, рыцарский рыцарь, непременно негодяй, кровоопия, злодей и трус; и все это еще с приставкой „архи“. Каждый поляк или литвин — образец рыцарской чести, благородства, храбрости и силы, а тоже не просто, а „архи“.

Историческая культурная инерция тевтонского рыцарства сводится к грабежам и разбоям, и насильской звучит самое звание „крестовоспел“, которое они себе присвоили. Культурной страной оказывается, напротив, дикая Литва и Польша времен Витовта, а рыцарство играло в ней роль татар в России.

У самых великих людей бываю затмения, а тем более они могут происходить с талантливыми писателями, но, поистине, медвжью услугу оказывают им те, кто подхватывает за них „всякое лыко“ и ставит его им „в строку“. Можно бы, конечно, извинить и Сенке-

(...)

фауст